

УДК: 165.0

DOI: 10.15372/PS20210103

И.Е. Прись**ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ ЭПИСТЕМИЧЕСКОЕ БЛАГО:
ИСТИНА ИЛИ ЗНАНИЕ¹**

Д. Притчард принимает понятие интеллектуальных добродетелей в качестве первичного теоретического понятия и приходит к выводу, что единственным фундаментальным эпистемическим благом и целью научного исследования является истина. Мы критикуем его подход с точки зрения сначала-знание-эпистемологии Т. Уильямсона, которая, на наш взгляд, более фундаментальна, чем эпистемология добродетелей. Мы утверждаем, что единственным фундаментальным эпистемическим благом и целью научного исследования является знание. Применительно к философии образования наш анализ приводит к заключению, что обучение в первую очередь должно быть нацелено на приобретение базовых витгенштейновских «петлевых предложений».

Ключевые слова: истина; знание; фундаментальное эпистемическое благо; эпистемология добродетелей; сначала-знание-эпистемология

I.E. Pris**THE FUNDAMENTAL EPISTEMIC GOOD: TRUTH OR
KNOWLEDGE?**

D. Pritchard treats the conception of intellectual virtues as a primary theoretical notion and concludes that truth is the fundamental epistemic good and the goal of the scientific research. We criticize his approach in terms of T. Williamson's knowledge first epistemology, which, in our view, is more fundamental than the virtue epistemology. We argue that knowledge is the only fundamental epistemic good and the goal of the scientific research. In respect to philosophy of education, our analysis leads to the conclusion that in education, one should primarily focus on acquiring the basic Wittgensteinian «hinge propositions».

Keywords: truth; knowledge; fundamental epistemic good; virtue epistemology; knowledge first epistemology

Введение

В эпистемологии обсуждается вопрос о том, что является фундаментальным, т.е. не инструментальным, а имеющим финальную цен-

¹ Работа выполнена при частичной поддержке гранта БРФФИ № Г20-026.

ность, эпистемическим благом [2; 7; 8; 12; 14; 17]. Традиционная эпистемология утверждала, что единственным фундаментальным эпистемическим благом (ФЭБ) является истина. Многие современные эпистемологи отвергают эту точку зрения. Одни считают, что единственным ФЭБ является знание, другие полагают, что таковым является что-то иное, например понимание, или «объектное понимание», тогда как третьи занимают плюралистскую позицию, согласно которой существует несколько ФЭБ.

Позиция, которую занимают исследователи по этому вопросу, в значительной мере зависит от того, сторонниками какой эпистемологической теории они являются. Например, в рамках сначала-знание-эпистемологии (СЗЭ) Т. Уильямсона, принимающей концепт знания в качестве первичного, фундаментальной эпистемической нормой и фундаментальным эпистемическим благом является знание [17]. Также и для Э. Соза, основателя современной эпистемологии добродетелей, согласно которой знание представляет собой истинное мнение, а истинность последнего проявляется в подходящей когнитивной компетенции познающего субъекта, знание представляет собой ФЭБ, хотя некоторые сторонники эпистемологии добродетелей заняли позицию плюрализма [15].

Тезис, что знание есть ФЭБ, ранее критиковал Д. Притчард, а в своей недавней статье он защищает монистский тезис, что истина – единственное ФЭБ. Это возврат к ортодоксии [12]. Суть аргумента Притчарда, однако, в том, что монистский тезис об истине как единственном ФЭБ был неправильно понят, в том числе и сторонниками эпистемологии интеллектуальных добродетелей, ресурсы которой он привлекает для своего анализа. Притчард предлагает новое понимание тезиса об истине как единственном ФЭБ, принимая в качестве первичного концепт интеллектуальной добродетели [20]. В результате, с его точки зрения, этот тезис имеет все шансы быть верным. При этом Притчард придерживается скорее традиционных эпистемологических рамок, и в частности считает, что концепт знания может быть проанализирован (возможно, круговым образом) в виде необходимых и достаточных условий [8].

Мы критикуем позицию Притчарда с точки зрения сначала-знание-эпистемологии Т. Уильямсона, принимающей в качестве первичного концепт знания. На наш взгляд, на самом деле Притчард неявно отходит от традиционной эпистемологии, в то же время не принимая альтернативную СЗЭ. У него различие между тезисом об истине

как единственном ФЭБ и тезисом о знании как единственном ФЭБ становится трудно улавливаемым. То, что Притчард называет истиной как целью исследования, можно трактовать и как знание. Если же на всех этапах рассуждения придерживаться четкого различия между истиной и знанием, единственным ФЭБ, как мы утверждаем, оказывается знание.

Аргументы против истины как ФЭБ

Можно выделить три основных аргумента против тезиса, что истина – единственное ФЭБ или одно из ФЭБ [12].

Аргумент 1 (тривиальные и незначительные истины). Существуют тривиальные и незначительные истины, которые не имеют для нас никакой ценности. Следовательно, они не имеют и эпистемической ценности. Следовательно, они не имеют и фундаментальной эпистемической ценности. Если бы истина была ФЭБ, то даже тривиальные и незначительные истины, наряду с содержательными и важными истинами, имели бы фундаментальную ценность.

Эта же проблема возникает и для знания. Нас интересуют не просто истины и знание, а содержательные и значительные истины и знание. В то же время, как правильно замечает Притчард, мы интересуемся содержательными и значительными истинами (и то же самое можно сказать о знании) именно потому, что нас интересует истина. И это становится особенно заметным, если исходить из концепции интеллектуальных добродетелей и, соответственно, интеллектуально добродетельного исследования. Притчард предлагает не отказываться от тезиса, что истина – единственное ФЭБ, а изменить наше понимание этого тезиса.

Аргумент 2 (проблема «заблачивания», swamping problem). Если истина – единственное ФЭБ, то необоснованное или даже обоснованное, но не представляющее собой знание истинное мнение имеет ту же ценность, что и знание с тем же содержанием, поскольку фундаментальная ценность по определению стирает, или «заблачивает», то, что имеет лишь инструментальную ценность, например обоснование. Знание, однако, имеет для нас большую ценность, чем просто истинное мнение, и не только практическую или моральную, но также эпистемическую (последнее, заметим, требует отдельного обоснования – см. ниже). Поэтому тезис о том, что истина – единственное ФЭБ, неверен.

Аргумент 3 (цель исследования). По определению интеллектуальная цель исследования – ФЭБ. Если истина есть ФЭБ, то она должна

завершать исследование. Но исследование завершает не просто постижение истины, а постижение истины, сопровождаемое ее пониманием и знанием. Отсюда заключают о ложности тезиса, что истина есть ФЭБ.

Мы утверждаем, что все три аргумента основываются на традиционной эпистемологии, для которой знание – это истинное обоснованное мнение. В этих рамках мнение – ментальное состояние, тогда как знание – не ментальное состояние, оно подразумевает существование факта внешнего мира, делающего мнение истинным. «Истина» означает истинность соответствующего пропозиционального содержания, соответствие факту «внешнего мира». Обоснование мнения является либо «внутренним», доступным рефлексии/интроспекции, либо «внешним», недоступным рефлексии/интроспекции, как в случае релейабилитета, утверждающего, что знание – это истинное мнение, являющееся результатом процесса, который надежным образом (как правило) дает истинное мнение. В этом случае действительно непонятно, каким образом, если принять тезис об истине как единственном ФЭБ, знание может быть эпистемически (а не практически или этически) более ценным, чем просто истинное мнение.

Напротив, с точки зрения СЗЭ, к которой мы предлагаем перейти, знание – это ментальное состояние, обоснованное мнение – знание (обоснование не «заблуждается»), а мнение (даже истинное, если оно не знание) – отклонение от знания [17]. В рамках СЗЭ, однако, норма истины, а также нормы интеллектуальных добродетелей вторичны по сравнению с нормой знания [16]. Знание направляет применение интеллектуальных добродетелей. Это означает, что истина не является ФЭБ (тем более единственным). Далее мы вернемся к этому вопросу, но сначала рассмотрим аргумент Притчарда.

Возврат к ортодоксии: аргумент Притчарда и возражения против него

Наличие интеллектуальных добродетелей необходимо для счастливой, процветающей жизни (в частности, таковые необходимы для совершения моральных поступков). Это придает интеллектуальным добродетелям самоценность. Жажда истины, серьезное отношение к истине, согласно Притчарду, есть составной компонент интеллектуальных добродетелей, мотивирующий их употребление в процессе исследования/познания. Поэтому интеллектуально добродетельное исследование предполагает стремление к истине, оно предполагает, что

истина – цель исследования. Цель исследования – ФЭБ. Следовательно, истина есть ФЭБ [12].

На первый взгляд, такой вывод противоречит приведенному выше аргументу 3. На самом деле, согласно Притчарду, именно принятие истины в качестве цели исследования и единственного ФЭБ имеет своим следствием, что исследование завершается только тогда, когда приобретение истины гарантировано, а истина понята, т.е. когда приобретает знание (об истине) и понимание (истины). Интеллектуально добродетельный исследователь, т.е. исследователь, мотивируемый серьезным отношением к истине, также предпочитает важные и существенные истины тривиальным и незначительным (ответ на аргумент 1). При этом он отдает предпочтение не просто содержательным истинам, а, что важно отметить, «когнитивному контакту с реальностью» (к этому важному понятию мы еще вернемся). Интеллектуально добродетельный исследователь также предпочитает обоснованное мнение и знание просто истинному мнению, что p , и именно потому, что он жаждет истины (ответ на аргумент 2). Таким образом, понятие интеллектуальной добродетели, принимаемое в качестве первичного, накладывает свой отпечаток на то, каким образом Притчард понимает и как, по его мнению, следует понимать тезис об истине как единственном ФЭБ, интеллектуально добродетельное исследование и цель исследования.

Важно отметить, что в своих аргументах противник тезиса, что истина – единственное ФЭБ, оценивает только пропозициональное содержание, что p (истинно или ложно), а не ситуацию в целом. В результате возникает впечатление, что все истины в одинаковой мере ценны, что всякое истинное пропозициональное содержание представляет собой фундаментальную эпистемическую ценность (если принять тезис, что истина – единственное ФЭБ). Такая оценка предполагает, что эпистемической целью является максимизация количества пропозициональных истин. Это противоречит тому факту, что простая содержательная истина (например, знание закона природы) зачастую имеет большую ценность, чем истина длинного предложения, представляющего собой конъюнкцию большого числа тривиальных истин. Притчард отказывается от такого подхода к тезису об истине как единственном ФЭБ. Как уже было сказано, он обращается к эпистемологии добродетелей. В его представлении, утверждение, что истина есть цель исследования, не следует понимать в том смысле, что целью исследования является максимизация набора истинных мнений (пропозициональных содержаний). С последним можно согласиться.

Мы, однако, приходим к подобному заключению в рамках СЗЭ: целью исследования является не максимизация истины, а максимизация знания. Это не противоречит тому, что, как уже было сказано, не всякое знание представляет интерес, так как речь идет о максимизации всякого релевантного знания. Релевантность и различие между существенным (имеющим ценность) и несущественным (не имеющим ценности) знанием зависят от контекста. Например, для Уильямсона имеет место эквивалентность между полным знанием в контексте и всей очевидностью в контексте, знание равно очевидности (в контексте). Абсолютная эквивалентность между тем и другим не имеет смысла².

Таким образом, на наш взгляд, аргумент Притчарда не может рассматриваться как однозначно свидетельствующий в пользу защищаемого им тезиса. Сам Притчард отмечает, что возможна альтернативная точка зрения. Можно утверждать (мы так и поступаем в рамках СЗЭ), что не жажда истины, а жажда знания – неотъемлемый компонент всякой интеллектуальной добродетели, ее существенная мотивация. Если это так, то единственным ФЭБ будет знание, а не истина. Притчард просто не рассматривает эту альтернативу. Другая альтернатива состоит в том, чтобы утверждать, что именно потому, что интеллектуальные добродетели предполагают жажду истины в качестве своей существенной мотивации, целью интеллектуально добродетельного исследования является знание (а не истина). То есть быть мотивированным к нахождению истины – значит хотеть ее знать и, следовательно, рассматривать знание в качестве цели исследования и единственного ФЭБ. Притчард между тем считает, что этот второй вариант является менее естественным, чем тот, который предлагает он сам.

Предположим, однако, что целью исследования и единственным ФЭБ является, как это утверждает Притчард, не знание, а истина. Что понимать под истиной? Понимание истины как истинности пропозиционального содержания, как уже было сказано, неудачно. Существуют различные теории истины, например классическая теория истины как соответствия. Понимает ли Притчард истину как соответствие фактам «внешнего мира» или же как истину о самих вещах, связь с самими вещами, предполагающую контакт с реальностью? Истина как такого рода связь – не просто соответствие, не просто истинность пропозиции,

² В связи с этим отметим, что Уильямсон, критикуя принцип доверия Дэвидсона, показывает, что установка на максимизацию истинных мнений должна быть заменена установкой на максимизацию знания [17, p. 267; 18, p. 265].

а знание. Как отмечает Бенуа, знание – это связь с «вещами, каковы они есть» [3]. Знание фактивно. Оно как раз предполагает «подлинный когнитивный контакт с реальностью». Тогда, быть может, жажда истины, о которой говорит Притчард, – это по своей сути жажда знания? Если не принимать за истину истинность (мнения, суждения, предложения), если отказаться от идеи, что релевантной единицей эпистемической оценки является предложение, то можно ли еще считать, что мы остаемся в рамках традиционной эпистемологии?

Понятие когнитивного контакта с реальностью

Важное понятие когнитивного контакта с реальностью, которое было упомянуто выше, Д. Притчард заимствует у Л. Загзебски, эпистемолога интеллектуальных добродетелей [19]. Притчард подчеркивает, что с точки зрения эпистемологии интеллектуальных добродетелей желать истину, заботиться о ней, стремиться к ней – значит заботиться о «подлинном (существенном) когнитивном контакте с реальностью», стремиться к нему. Жажда истины – жажда содержательной истины, которая к тому же интегрирована с другими истинами, «зацепляет реальность». При этом речь не идет о самостоятельном ФЭБ. Эту точку зрения разделяют не все. Например, К. Раналли полагает, что когнитивный контакт с реальностью – самостоятельное ФЭБ. Другим ФЭБ он считает пропозициональную истину. Это плюралистическая позиция [14]. Мы не сторонники такого рода плюрализма. На наш взгляд, предлагаемую П. Энжелем критику плюрализма в отношении обоснования и знания можно перенести на случай рассмотрения плюрализма ФЭБ [5]. Это, однако, отдельный вопрос, который мы здесь не будем рассматривать.

Именно потому, что целью является когнитивный контакт с реальностью, в эпистемическом плане знание, что *p*, более ценно, чем просто истинное мнение, что *p*, а содержательное или важное знание более ценно, чем знание тривиальное или незначительное. Таким образом, для Притчарда тезис, что истина – единственное ФЭБ, не противоречит тому, что фундаментальную ценность имеет не всякое мнение с истинным пропозициональным содержанием, а мнение, имеющее субстанциальный когнитивный контакт с реальностью, т.е. содержательное знание. В частности, для него перцептивное знание первого лица более ценно, чем знание, полученное от свидетеля (от третьего лица).

Важно видеть вещи своими глазами, т.е. быть в непосредственном контакте с реальностью.

Понятие когнитивного контакта с реальностью позволяет Притчарду отвергнуть аргументы 1–3. Например, проблема «заблачивания» состоит в том, что утверждается, что истинное мнение без обоснования так же ценно, как и знание, поскольку соответствующие пропозициональные содержания истинны. Но истина как цель исследования подразумевает существенный когнитивный контакт с реальностью. Изолированное мнение, которое не обосновано или случайно истинно, не удовлетворяет этому требованию. Подлинный когнитивный контакт с реальностью не достигается рассмотрением одного-единственного (изолированного) мнения, которое соответствует внешней реальности.

Отметим, что понятие подлинного (существенного, субстанциального) когнитивного контакта с реальностью у Притчарда остается расплывчатым. На наш взгляд, его можно трактовать, во-первых, как контакт со значительными и важными истинами и, во-вторых, как полный контакт с ними, т.е. как укорененность в реальности. Мы полагаем, что в рамках СЗЭ понятию когнитивного контакта с реальностью соответствует понятие фактивности знания.

Фактивность знания

Ранее мы критиковали аргумент Притчарда, направленный против тезиса о финальной ценности знания, защищаемого эпистемологией способностей/достоинств Соза, и утверждающий особую ценность понимания, а также позицию Картера и Гордона, состоящую в том что особую ценность имеет так называемое «объектное понимание» (понимание некоторого объекта исследования, предмета, например понимание квантовой теории) [2]. Мы также утверждали, что особая ценность знания, если таковая существует, должна быть одной и той же для всех видов знания, и в частности для тех видов знания, которые, согласно Дж. Греко, подчиняются различным (более или менее сильным) эпистемическим нормам [2; 6]. Мы отдали предпочтение экстерналистской точке зрения Т. Уильямсона, заключающейся в том, что особая ценность знания состоит в его фактивности: если субъект знает, что p , то с необходимостью p истинно [2]. Мы продолжаем придерживаться этой позиции. В связи с настоящей позицией Притчарда, согласно которой истина – единственное ФЭБ, мы также утверждаем, что

особая ценность знания представляет собой его фундаментальную ценность и это единственное ФЭБ (см. также [7]).

Как было сказано в предыдущем разделе, для Притчарда любить истину значит желать субстанциального (подлинного) когнитивного контакта с реальностью [12]. В упомянутой выше работе, рассматривая ценность знания, мы ввели в употребление аналогичное понятие [2]. Можно допустить, что существует континуум эпистемических состояний, различающихся по своей практической ценности (стабильности), пределом которого является знание. В то же время, на наш взгляд, поскольку знание, в отличие от других эпистемических состояний, «привязано» к истине (соответствующему факту), оно обладает не просто большей, чем другие эпистемические состояния, стабильностью, но и особой стабильностью. К тому же эту «привязанность» к истине/факту можно интерпретировать как особую эпистемическую ценность знания, поскольку именно благодаря ей устанавливается непосредственный контакт между субъектом/сознанием и миром (познаваемой вещью) [2]. Для Уильямсона особая ценность знания объясняется тем, что оно есть наиболее общая фактивная пропозициональная установка: знание «важно для нас, поскольку для нас важны фактивные статические установки» [17, р. 34]. Фактивность знания можно интерпретировать как вышеуказанное свойство знания быть «привязанным» к истине. Это свойство знания соответствует тому, что Притчард, следуя Загзебски, называет подлинным когнитивным контактом с реальностью.

Для Уильямсона (как и для Платона) ценность знания заключается также и в том, что оно является более стабильным, чем просто истинное мнение (это следствие фактивности знания). Тем самым оно имеет большую практическую ценность для осуществления наших планов и действий, имеющих протяженность во времени. Важно, однако, подчеркнуть, что Уильямсон добавляет к этому ценность рационального элемента знания: «При прочих равных условиях, принимая во внимание рациональную восприимчивость к новой очевидности, настоящее знание делает будущее истинное мнение более вероятным, чем это делает настоящее просто истинное мнение» [2; 17, р. 101]. (Для Уильямсона «знание = очевидность». Как уже было отмечено выше, мы принимаем эту формулу.) Таким образом, для него знание имеет не только практическую, но и особую эпистемическую ценность. Как отмечают Д. Притчард и Дж. Тури, вводя понятие рациональной восприимчивости к новой очевидности, Уильямсон делает шаг вперед по сравнению с Платоном [13].

Таким образом, мы утверждаем, что знание имеет особую эпистемическую ценность, которая фундаментальна: знание фактивно, есть контакт с самой вещью. Поэтому знание – единственное ФЭБ. Именно благодаря тому, что знание является наиболее общим фактивным ментальным состоянием, можно говорить о некоторой общей (фундаментальной) ценности трех видов знания: знания, приобретаемого в результате самостоятельного исследования, знания, полученного от свидетеля, и «общего знания» – как «ценности знания», несмотря на различие в эпистемических нормах, которым они подчиняются [2; 6].

Невежество и знание

В одной из своих работ Притчард показывает, что в рамках его позиции, согласно которой концепт интеллектуальных добродетелей первичен, а истина есть единственное ФЭБ, можно разрешить проблемы, с которыми сталкиваются два традиционных подхода к пониманию невежества (ignorance) [10]. Согласно одному из них, невежество – это незнание, т.е. отсутствие знания. Согласно другому, это отсутствие истинного мнения. Можно привести многочисленные возражения и контрпримеры против этих двух точек зрения. Например, наличие у субъекта истинного обоснованного мнения, которое не есть знание (как это имеет место в случаях Гетье), согласно первой точке зрения должно рассматриваться как случай невежества. Согласно второй точке зрения, субъект, имеющий случайно истинные мнения, не может считаться невежественным. Также в рамках традиционных подходов наличие у субъекта «петлевых предложений» («убеждений») Витгенштейна автоматически делает его невежественным, так как эти предложения можно считать истинными, но, как известно, их нельзя знать и в них нельзя верить (на наш взгляд, они имеют логический статус, истинны логически [1]). Все три утверждения контринтуитивны.

Притчард предлагает рассматривать невежество как фундаментальный эпистемический порок («болезнь»), т.е. как дефект в единственном ФЭБ – истине. С точки зрения его подхода субъекта нельзя назвать невежественным ни в случаях Гетье, ни в случае с петлевыми предложениями, поскольку в этих случаях он не нарушает нормы интеллектуально добродетельного познания. Напротив, субъект, имеющий случайно истинное (необоснованное) мнение, эти нормы нарушает и, следовательно, невежествен.

В отличие от Притчарда, мы делаем различие между неведением/незнанием и невежеством. Неведение – это отсутствие подходящего знания в контексте. Это нарушение фундаментальной эпистемической нормы – нормы знания. Это также дефект в ФЭБ – знании. Относительно случаев Гетье можно сказать, что субъект находится в неведении, его можно назвать несведущим. Но его нельзя назвать невежественным, так как его неведение прощительно, не нарушает нормы интеллектуальных добродетелей и добродетельного исследования. Эти нормы более слабые и вторичны по отношению к норме знания, которая нарушается. Случайно же истинные мнения нарушают и нормы интеллектуальных добродетелей. Поэтому в таком случае субъект не только несведущ, но и невежествен. Отметим, что проводимое нами различие аналогично различию, которое делает Уильямсон между обоснованным мнением (в рамках СЗЭ оно всегда истинно) и оправданным мнением, которое может быть ложным и удовлетворяет более слабым (производным от нормы знания) нормам [16].

Рассмотрим отдельно случай петлевых предложений Витгенштейна. Их наличие – необходимое условие эпистемической рациональности [1; 11]. Согласно нашей интерпретации петлевых предложений это витгенштейновские правила (грамматика) формы жизни [1]. В принципе, их можно рассматривать как логическое «знание» (против двух стандартных точек зрения). С другой стороны, отсутствие петлевых предложений делает субъекта неспособным мыслить и познавать. Поэтому, на наш взгляд, этот случай может быть охарактеризован как самый серьезный случай невежества (тогда как если буквально придерживаться стандартных точек зрения, о невежестве следует говорить не в случае отсутствия петлевых предложений, а наоборот, в случае их наличия; основанием для этого считается то, что мы неспособны ни в собственном смысле знать петлевые предложения, ни в собственном смысле верить в них).

Наша точка зрения согласуется с выводом, сделанным А. Картером в контексте философии образования [4]. В философии образования возникают следующие вопросы. Чему и как обучать? Что значит хорошее, качественное образование? На какие когнитивные блага у детей есть права, гарантирующие им открытое будущее? Известны три основных подхода, дающих ответы на эти вопросы. При этом все они сталкиваются с проблемами: сторонники пропозиционалистского подхода утверждают, что дети имеют право на приобретение фактуального знания (это чисто интеллектуалистский подход); в рамках диспозицио-

налистского подхода утверждается, что дети имеют право на приобретение когнитивных диспозиций (это чисто антиинтеллектуалистский подход: знание о фактах не приобретается); объектный (objectualist) подход нацелен на приобретение некоторого объема информации. А. Картер предлагает альтернативный подход, который мы разделяем: «Предлагаемая здесь альтернатива вдохновлена эпистемологией Витгенштейна: дети имеют право на определенные петли, владение которыми наделяет их рациональными способностями в некоторых областях знания и, как следствие, ценностной автономией в этих областях» [4, р. 462–463]. Обучение петлевым предложениям в основных областях знания – это одновременно и обучение фундаментальному пропозициональному «знанию» петель: « $2+2=4$ », «Земля круглая», «Земля вращается вокруг Солнца», и т.д., т.е. тому, что составляет базовые математические и научные утверждения. Знание петель подразумевает и навыки их употребления (о нашей интерпретации витгенштейновских петель см. [1]).

С точки зрения СЗЭ мы знаем петлевые предложения. Например, я знаю, что это рука. И предложение «Это рука» – часть той очевидности в отношении окружающего меня мира, которой я располагаю. Отсутствии этого фундаментального знания, как мы утверждаем, есть самый серьезный случай невежества³.

Заключение

Д. Притчард принимает концепт интеллектуальных добродетелей в качестве первичного и приходит к выводу, что единственным ФЭБ является истина. Это не означает, что любое истинное мнение имеет фундаментальную ценность. Таковую имеют только мнения, находящиеся в подлинном когнитивном контакте с реальностью, т.е. мнения, представляющие собой содержательное знание. Мы, однако, отрицаем, что понятие интеллектуальных добродетелей первично. Для нас, как и для Т. Уильямсона, первичным концептом является знание. При этом норма знания более фундаментальна, чем норма истины, и управляет нормами интеллектуальных добродетелей, корректное применение которых зависит от контекста (например, в отсутствие восприимчивости к контексту тщательность может вырождаться в педантичность,

³ Речь, конечно, не идет о клинических случаях, к которым понятие невежества неприменимо.

а толерантность – в безразличие к истине). Подлинный когнитивный контакт с реальностью мы понимаем как фактивность знания, как контакт с самими вещами, наличие которого придает знанию фундаментальную когнитивную ценность. Также знание есть очевидность. Поэтому приобретение нового знания есть приобретение новой очевидности, что делает последующее познание более эффективным. В этом смысле знание также имеет большую эпистемическую ценность, чем истинное мнение. Таким образом, мы утверждаем, что единственным ФЭБ является знание. Применительно к философии образования наш анализ приводит к заключению, что обучение в первую очередь должно быть нацелено на приобретение базовых витгенштейновских петлевых предложений.

Литература

1. *Прись И.Е.* Витгенштейн о знании, достоверности и «осевых предложениях». – Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2017.
2. *Прись И.Е.* Проблема ценности знания // *Философия и культура*. – 2017. – № 5. – С. 26–35. – URL: https://author.nbpublish.com/fr/article_20222.html (дата обращения: 08.12.2020).
3. *Benoist J.* The internal and the external in knowledge // *Rethinking Epistemology* / Ed. by G. Abel, J. Conant. – De Gruyter, 2012. – Vol. 1. – P. 273–283.
4. *Carter A.* Cognitive goods, open future and the epistemology of education // *Journal of Philosophy of Education*. – 2020. – Vol. 54, No. 2. – P. 449–465.
5. *Engel P.* A plea for epistemic monism // *Epistemic Pluralism* / Ed. by A. Coliva, N. Jang Lee Linding Pedersen. – Palgrave Macmillan, 2017. – P. 93–125.
6. *Greco J.* Common knowledge // *International Journal for the Study of Scepticism*. – 2016. – Vol. 6, No. 2-3. – P. 309–325.
7. *Kelp C.* Inquiry, knowledge and understanding // *Synthese*. – 2018. – URL: <http://eprints.gla.ac.uk/161983/> (дата обращения: 08.12.2020).
8. *Pritchard D.* Epistemology. – Palgrave Macmillan, 2016.
9. *Pritchard D.* Ignorance and epistemic value // *The Epistemic Dimensions of Ignorance* / Ed. by M. Blaauw, R. Peels. – Cambridge: Cambridge University Press. Forthcoming.
10. *Pritchard D.* Ignorance and inquiry // *American Philosophical Quarterly*. – Forthcoming. – URL: <https://www.duncanpritchard.org/articles> (дата обращения: 08.12.2020).
11. *Pritchard D.* On hinge epistemology // *Skepsis*. – Forthcoming. – URL: <https://www.duncanpritchard.org/articles> (дата обращения: 08.12.2020).
12. *Pritchard D.* The epistemic virtues and the epistemic value of truth // *Synthese* (special issue on the value of truth) / Ed. by A. Gyarmathy, L. Moretti. 2019. – URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11229-019-02418-z> (дата обращения: 09.01.2020).
13. *Pritchard D.H., Turri J., Carter A.* The value of knowledge // *Stanford Encyclopaedia of Philosophy* / Ed. by E. Zalta. – 2018. – URL: <https://plato.stanford.edu/entries/knowledge-value/> (дата обращения: 04.12.2020).
14. *Ranalli C.* Special value of experience // *Oxford Studies in Philosophy of Mind*. – Vol. 1. – Forthcoming.
15. *Sosa E.* Epistemology. – Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2017.

16. *Williamson T.* Justifications, excuses, and sceptical scenarios // *The New Evil Demon: New Essays on Knowledge, Rationality and Justification* / Ed. by J. Dutant, F. Dorsch. – Oxford: Oxford University Press. – Forthcoming.
17. *Williamson T.* *Knowledge and its Limits.* – Oxford: Oxford University Press, 2000.
18. *Williamson T.* *Philosophy of Philosophy.* – Blackwell, 2007.
19. *Zagzebski L.T.* The search for the source of the epistemic good // *Moral and Epistemic Virtues* / Ed. by M.S. Brady, D.H. Pritchard. – Oxford: Blackwell, 2003. – P. 13–28.
20. *Zagzebski L.T.* *Virtues of the Mind: An Inquiry into the Nature of Virtue and the Ethical Foundations of Knowledge.* – Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

References

1. *Pris, I.E.* (2017). Vitgenshteyn o znanii, dostovernosti i "osevykh predlozheniyakh" [Wittgenstein on Knowledge, Certainty and “Hinge Propositions”]. Saarbrücken, Lambert Academic Publishing.
2. *Pris, I.E.* (2017). Problema tsennosti znaniya [The problem of the value of knowledge]. *Filosofiya i kultura* [Philosophy and Culture], 5, 26–35. Available at: https://author.nbpublish.com/fr/article_20222.html (date of access: 08.12.2020).
3. *Benoist, J.* (2012). The internal and the external in knowledge. In: Abel, G. & J. Conant (Eds.). *Rethinking Epistemology*, Vol. 1. De Gruyter, 273–283.
4. *Carter, A.* (2020). Cognitive goods, open future and the epistemology of education. *Journal of Philosophy of Education*, Vol. 54, No. 2, 449–465.
5. *Engel, P.* (2017). A plea for epistemic monism. In: Coliva, A. & N. Jang Lee Linding Pedersen (Eds.). *Epistemic Pluralism*. Palgrave Macmillan, 93–125.
6. *Greco, J.* (2016). Common knowledge. *International Journal for the Study of Scepticism*, Vol. 6, No. 2-3, 309–325.
7. *Kelp, C.* (2018). Inquiry, knowledge and understanding. *Synthese*. Available at: <http://eprints.gla.ac.uk/161983/> (date of access: 08.12.2020).
8. *Pritchard, D.* (2016). *Epistemology*. Palgrave Macmillan.
9. *Pritchard, D.* (2016). Ignorance and epistemic value. Forthcoming in: Blaauw, M. & R. Peels (Eds.). *The Epistemic Dimensions of Ignorance*. Cambridge, Cambridge University Press.
10. *Pritchard, D.* Ignorance and inquiry. Forthcoming in: *American Philosophical Quarterly*. Available at: <https://www.duncanpritchard.org/articles> (date of access: 08.12.2020).
11. *Pritchard, D.* On hinge epistemology. Forthcoming in: *Skepsis*. Available at: <https://www.duncanpritchard.org/articles> (date of access: 08.12.2020).
12. *Pritchard, D.* (2019). The Epistemic virtues and the epistemic value of truth. In: Gyarmathy, A. & L. Moretti (Eds.). *Synthese* (special issue on the value of truth). Available at: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11229-019-02418-z> (date of access: 09.12.2020).
13. *Pritchard, D.H., J. Turri & A. Carter.* (2018). The value of knowledge. In: Zalta, E. (Ed.). *Stanford Encyclopaedia of Philosophy*. Available at: <https://plato.stanford.edu/entries/knowledge-value/> (date of access: 04.12.2020).
14. *Ranalli, C.* Special Value of Experience. Forthcoming in: *Oxford Studies in Philosophy of Mind*, Vol. 1.
15. *Sosa, E.* (2017). *Epistemology*. Princeton and Oxford, Princeton University Press.

16. *Williamson, T.* Justifications, excuses, and sceptical scenarios. In: Dutant, J. & F. Dorsch (Eds.). *The New Evil Demon: New Essays on Knowledge, Rationality and Justification*. Oxford, Oxford University Press. Forthcoming.

17. *Williamson, T.* (2000). *Knowledge and its Limits*. Oxford, Oxford University Press.

18. *Williamson, T.* (2007). *Philosophy of Philosophy*. Blackwell.

19. *Zagzebski, L.T.* (2003). The search for the source of the epistemic good. In: Brady, M.S. & D.H. Pritchard (Eds.). *Moral and Epistemic Virtues*. Oxford, Blackwell, 13–28.

20. *Zagzebski, L.T.* (1996). *Virtues of the Mind: An Inquiry into the Nature of Virtue and the Ethical Foundations of Knowledge*. Cambridge, Cambridge University Press.

Информация об авторе

Прись Игорь Евгеньевич – доктор философии (Сорбонна), кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник Института философии Национальной академии наук Беларуси (Беларусь, 220072, Минск, ул. Сурганова, 1, корп. 2).

figpr@gmail.com

Information about the author

Pris, Igor Evgenievich – PhD in Philosophy (U de Paris-Sorbonne, Paris, France), Candidate of Sciences (Physics and Mathematics), Senior Researcher at the Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus (1/2, Surganov st., Minsk, 220072, Belarus).

figpr@gmail.com

Дата поступления 09.12.2020